

A woman with long dark hair and a serious expression is the central focus. She is set against a dark, rocky landscape under a blue, overcast sky. The overall color palette is dominated by blues and greys, creating a somber and mysterious atmosphere.

АЛЬБИНА НУРИ

ДОРОГА
СМЕРТНОЙ ТЕНИ

За пределом реальности

Альбина Нури

Дорога смертной тени

«Автор»

2021

Нури А.

Дорога смертной тени / А. Нури — «Автор», 2021 — (За пределом реальности)

Курортный городок Локко – чудесное место для летнего отдыха: золотые пляжи, живописные пейзажи, теплое море. Однако долгожданный отпуск обернулся для Мити и Лины настоящим кошмаром, ведь милый городок опутала зловещая тайна. Слишком поздно супруги поняли, что попали в чудовищный капкан: за красивыми фасадами гостевых домов скрывается опасность, а по тихим улочкам бродит смерть. Локко уже не отпустит свою новую жертву, но кто же останется в приморском городке навечно: Митя? Лина? А быть может, они оба? Книга также издавалась под названием «Плененные тайной».

© Нури А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть первая. Митя	5
Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	14
Глава пятая	18
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Альбина Нури

Дорога смертной тени

Часть первая. Митя

Глава первая

В половине первого Стелла не выдержала:

– Так, отпускник. Собирай-ка свои пожитки и иди домой. Всё равно от тебя никакого толку.

Сегодня Мите и в самом деле работалось плохо: не мог толком ни на чем сосредоточиться. А делать что-то без огонька, через не хочу, как мама говорила – «танцевать в полноги», он терпеть не мог. К тому же ничего срочного и не было. Серьезный проект, над которым бились почти полгода, они сдали заказчику вчера.

– Спасибо, солнце! Век не забуду твоей доброты.

– Не переживай, напомню, – усмехнулась Стелла.

– Приеду и тебя тоже отправлю в отпуск, – пообещал Митя.

– Только попробуй! Миллион раз говорила: я пойду в декабре.

– Забыл! Прости дурака, – покаянно проговорил он.

– Удивительно, как ты до сих пор жив, с такой-то памятью, – подколола Стелла.

Митя побросал в кейс кое-какие мелочи, подумал, зачем-то переложил с места на место пару бумажек, выключил компьютер, встал и направился к ее столу.

Отдельным кабинетом директор «Мителины» так и не обзавелся, весь офис представлял собою одну просторную комнату. Стелла сидела лицом к двери, Митя – справа от нее, в глубине помещения, возле стены. Он был защищен от внешнего мира столом, монитором компьютера и ослепительной красотой своей помощницы.

Стелла – нереальная, кинематографическая красавица с классическими чертами лица в духе Вивьен Ли, ногами Джулии Робертс и талией молодой Людмилы Гурченко. Каждый посетитель, открывая дверь, упирался взглядом в это чудо. И лишь потом, когда удавалось отвести взор и прийти в себя, оглядывался по сторонам, замечая остальное: мебель, картины, плакаты, дипломы, вид из окон, фотографии и, в последнюю очередь, Митю.

С появлением Стеллы в офисе «Мителины» под разными предлогами побывали, пожалуй, все сотрудники и арендаторы их бизнес-центра. Женщины заходили позавидовать и полюбопытствовать, мужчины – поглазеть и попытаться счастья. Кстати, многие впоследствии становились заказчиками.

Стелла быстро набирала какой-то текст – тонкие пальцы, украшенные серебряными кольцами, легко перелетали с одной клавиши на другую.

– Надо срочно письмо отправить. Погоди минутку, а то мысль упущу, – не отрываясь от монитора, быстро проговорила она.

– Угу, – отозвался Митя и отошел к одному из окон, чтобы не мешать.

Офис «Мителины» располагался шестнадцатом этаже недавно построенного делового центра. Митя с детства боялся высоты и поначалу не хотел забираться так далеко в поднебесье. Но теперь радовался, что три года назад все помещения ниже были либо заняты, либо не по карману.

Минувшей зимой администратор «Делового мира» предложил переехать на пятый этаж, но Митя отказался. Вид, который открывался из огромных панорамных окон, доходящих почти до пола, он теперь не променял бы ни на что на свете.

У подножия небоскреба бурлила жизнь. Люди в душных или охлажденных кондиционерами железных коробках ехали по делам и знать не знали, что на лакированные спины их автомобилей откуда-то сверху глядит человек.

Глупый, самонадеянный божок, вообразивший, что может управлять своей жизнью...

На секунду появилось ощущение, что это мгновение – из тех, что не проходят бесследно, по какой-то непонятной причине навсегда застревают в памяти. Митя моргнул, и мимолетное ощущение погасло.

– Ура, отправил! Примите и распишитесь! – Стелла спорхнула со стула и подошла к Мите.

Свои длинные густые волосы она, приходя на работу, обычно собирала в высокую прическу: небрежно закручивала и закрепляла парой шпилек. Но даже с этой незамысловатой прической девушка ухитрялась выглядеть так, словно только что вышла из дорогого салона красоты. Дело было даже не в исключительных внешних данных. Митя полагал, что Стелла просто принадлежала к той редкой породе людей, которым с легкостью удается все, за что они берутся.

Девушка положила руки ему на плечи и сказала совсем другим, успокаивающим и понимающим тоном:

– Да не беспокойся ты ни о чем, Мить. Появится неотложный заказ – скину внештатникам. Все будет хорошо.

– Не сомневаюсь, раз ты на посту.

Они обнялись. Мите нравился аромат ее духов: сладковатый, легкий, немного дерзкий. Те, которыми душилась Лина, были совсем другие – обволакивающие, тяжеловатые, бархатистые.

Он чмокнул Стеллу в щеку и в тысячный раз подумал, как ему повезло. Стелла была не просто коллегой, а ближайшим помощником, советчиком, правой рукой, нянькой, психологом и лучшим другом. Поначалу многие думали, что у них роман. Абсурдное предположение: в жизни Мити уже была женщина. Самое интересное, что в жизни Стеллы – тоже.

Девушка тихонько отстранила Митю от себя и улыбнулась.

– Отдыхай на всю катушку, ты заслужил. Только вот... – Она вдруг запнулась, замолчала. Потом, словно отмахнувшись от какой-то мысли, добавила: – Ладно, неважно. Иди, иди уже!

– Я всегда на связи, не буду отключать телефон. Если что серьезное, обязательно звони. И даже если просто... Звони в любом случае!

– И не подумаю. В отпуске надо отдыхать от дел. А иначе зачем вообще нужен отпуск?

Стелла смотрела на него, и в ее взгляде читалось что-то, чего он никак не мог понять. Митя, уже второй раз за короткое время, ощутил неясную тревогу и подумал, что не должен уезжать.

Это спонтанное решение отправиться на отдых, оставить «Мителину», выбиться из рабочего графика вдруг показалось ему нелепым и ошибочным. Сердце защемило, как будто он бросал нечто дорогое и важное. Еще миг – и он попросил бы Стеллу сдать билеты на самолет.

«Что за глупости! – устыдившись этого порыва, подумал Митя. – Видно, и вправду давно не отдыхал, отвык. И потом, Лина... Ей так нужна эта поездка».

– Мне как-то не по себе, – признался он Стелле, которая все так же не отводила внимательный взгляд. – Кажется, только я уеду, как случится что-то... – Он хотел сказать «непоправимое», но в последний момент удержался и произнес: – Важное.

– Невозможно всегда все контролировать, Мить, – мягко заметила помощница. – Так и с ума недолго сойти. Нужно уметь доверять другим, а еще иногда...

– Да доверяю я тебе! Больше, чем себе, ты же знаешь! – горячо перебил он.

– Иногда полезно предоставлять всему идти своим чередом, – закончила фразу Стелла. – Вот увидишь, ничего тут без тебя не развалится. Скоро вернешься обратно, и тебе покажется, что отпуск был слишком коротким. Может, даже решишь, что вовсе не хочешь возвращаться в постылые будни и видеть «Мителину».

Мите показалось, что последние слова девушка произнесла с затаенной горечью. Стелла, видно, тоже осознала это и догадалась, что он понял, потому что слегка смутилась – это было так не похоже на нее. Однако она тут же взяла себя в руки и сказала с легкой усмешкой:

– Хватит, развели мелодраму! Лети к своей ненаглядной и передавай привет от меня!

Стелла вернулась за свой стол и уткнулась в монитор, давая понять, что разговор окончен. Митя ощутил легкое разочарование – ему нравилось разговаривать с помощницей, и он знал, что будет скучать по ней в отпуске. Около трех лет они практически ни на день не расставались, не считая выходных.

– Передам, – ответил Митя и направился к двери, – обязательно.

Стелла права: сколько можно прощаться, не на войну же он уходит. Ерунда какая, право слово.

– Не вздумай привезти мне дурацкую ракушку или магнит! Сделай милость, выбери что-нибудь оригинальное, – раздалось вслед.

Митя рассмеялся и пообещал проявить фантазию.

Уже выйдя в коридор, прежде чем закрыть за собой дверь, он еще раз оглядел просторный, такой родной офис «Мителины» – место, ставшее за последние годы вторым домом. Да что там, уж если честно, порой здесь ему было куда уютнее и спокойнее, чем дома.

Митя отогнал эту мысль, улыбнулся на прощание Стелле и решительно закрыл дверь.

Глава вторая

Он заходил в лифт, когда зазвонил телефон. На экране высветилось – «дом». Лина пользовалась сотовым только в случае крайней необходимости: вычитала в каком-то журнале, что мобильники провоцируют рак мозга, и теперь смотрела на аппарат с неприязнью, как на опасное живое существо.

– Привет, Ангелёнок! – сказал Митя.

– Митюша! – Лина всегда приветствовала мужа удивленно-радостным тоном, будто никак не ожидала, что он ответит. – Только что звонила тебе на работу, а Стелла сказала, ты уже ушел.

– Совершенно правильно сказала. Скоро буду. Ты вещи уложила?

– Да, но... Вообще-то... По-моему, нужных вещей так много, что...

– Все с тобой ясно, – усмехнулся Митя.

Он готов голову дать на отсечение, что жена попросту позабыла про багаж, спохватилась лишь пару минут назад и сейчас пытается сообразить, что засунуть в чемодан.

– Приеду, разберемся, – пообещал Митя.

Оторванность Лины от мира поражала. Она могла отправиться в магазин за молоком и притащить полную сумку разных продуктов, за исключением молока. Могла выйти из дому и через час вернуться, потому что забыла, куда и зачем пошла.

Ангелина постоянно оставляла на кассе сдачу, теряла ключи, кошельки, зонты и перчатки. На ней не жили часы и украшения: она носила их не дольше месяца, а потом часы останавливались, замочки сережек ломались, звенья цепочек рвались, кольца слетали с пальцев.

Готовить его жена научилась совсем недавно – и теперь Митя учился есть то, что она пыталась сварить, потушить или пожарить. Самое парадоксальное заключалось в том, что иногда это бывали обалденно вкусные блюда, а иногда несусветная гадость. Просто Ангелина могла решить, что в мясное рагу непременно стоит добавить ананас, а в пирог с яблоками – тертый сыр.

Ко всем странностям жены Митя относился с полным пониманием, не раздражаясь и ничему не удивляясь. Он осознавал, что ему выпала редкая миссия – жить с гением. Ангелина была художницей, и он точно знал, что никто из современных живописцев не может сравниться с нею силой таланта. Хотя похвастаться широкой известностью Лина пока не могла, Митя был убежден, что все еще впереди.

То, что Ангелина обладает огромным, удивительным даром, он понял давно, впервые увидев ее картины, когда они оба были еще студентами. Она писала так глубоко и верно, что Митя буквально кожей ощущал ее талант, преклонялся перед отчетливой жизненностью манеры. Он благоговел перед Линой и считал своим долгом оберегать ее от внешнего мира. То, что образы, рождающиеся в голове у жены, не могли ужиться с уборкой, кастрюлями и обеденным меню, Митя находил вполне естественным.

Он решил поехать отдыхать главным образом из-за Лины. Сам не был в отпуске три года, но абсолютно не печалился по этому поводу, с головой погрузившись в работу, которая приносила удовольствие, а в последнее время еще и хороший доход.

Но Лине, судя по всему, требовалась смена обстановки. В последнее время она стала вести себя еще более непредсказуемо и странно, чем обычно. Митя полагал, что все дело в кризисе, который время от времени случается у всех творческих людей.

Возвращаясь с работы, он видел, что мусорное ведро до краев наполнено скомканными листками – Лина делала зарисовки, потом безжалостно рвала на клочки и выбрасывала их. Судя по количеству выброшенного, у нее не получалось сделать того, что она задумала.

Однажды вечером Митя обнаружил жену в комнате, которая служила им обоим рабочим кабинетом. Они купили квартиру вскоре после смерти Митиной мамы, и риелтор, показывая помещение, называла эту комнату детской. Однако детей у них до сих пор не было. Когда Митю спрашивали, почему они не спешат обзаводиться наследниками, он обычно отшучивался, отвечал, что пока не готов к такому шагу. У него, дескать, бизнес, у Лины – творчество.

Но, по правде говоря, эта тема тревожила его сильнее, чем он готов был признаться. Митя всегда считал, что в счастливой семье непременно должны быть дети, и знал, что сам давно созрел для отцовства. А вот Лина...

Как-то раз он заговорил с ней об этом, и ее реакция оказалась неожиданной. Ангелина смешалась, покраснела, казалось, она вот-вот расплачется. Митя почувствовал, что разговор не просто расстроил ее, но и испугал. Он поспешил успокоить жену и не стал расспрашивать о причинах такого поведения, решив про себя, что у Лины, видимо, проблемы по женской части, о которых она не хочет говорить. Или же она просто боится, что не справится с ролью матери, не сумеет позаботиться о маленьком человечке.

Позже Митя несколько раз собирался вернуться к разговору о детях, однако постоянно откладывал, сознавая, что беседа получится тяжелой. Конечно, рано или поздно им придется откровенно поговорить обо всем, но пока Митя убеждал себя, что время еще не пришло.

В общем, детская, став кабинетом, так им и оставалась.

Несколько дней назад Митя вернулся с работы, но Лина не вышла, как обычно, ему навстречу. Он застал жену в кабинете, сидящей на стуле возле окна. По всей комнате были разбросаны листы бумаги, вырванные из книг и альбомов страницы.

На улице шел сильный ливень, но окно было распахнуто настежь. Вода заливала подоконник, и даже пол был мокрым. Пахло свежестью и влагой, в комнате было холодно, порывы ветра трепали легкие занавески, намоченные от дождя. Бумаги, карандаши, кисти, лежащие на широком подоконнике, пропитались водой. Наброски были безнадежно испорчены, но Лина ничего этого, по-видимому, не замечала. Уставившись безжизненным взглядом куда-то вдаль, она не видела мужа, не слышала, как он зовет ее.

Митя подбежал к окну и захлопнул его. Шум дождя сделался приглушенным и далеким. Он присел возле жены, взял ее за руку. Ладонь Лины была ледяная. Сколько она просидела вот так, возле окна, глядя в никуда?

– Ангелёнок, – тихонько позвал он, – ты меня слышишь?

Лина вздрогнула, как будто он резко окликнул ее, повернула голову и посмотрела на мужа, наконец-то заметив, что он тут. Большие карие глаза наполнились растерянностью и страхом:

– Митя?! Прости, я не видела, как ты пришел... Я просто... Понимаешь...

– Тихе, тихе, не волнуйся, милая, – успокаивающе проговорил он, обнимая жену и целуя в прохладную и немного влажную от попавших на нее капелек дождя щеку. – Не нужно ничего объяснять. Я все понимаю.

Ангелина была старше Мити на два года, но всегда казалась ему беззащитным ребенком, который нуждается в заботе и помощи.

– Ты совсем замерзла. Пойдем, тебе нужно принять горячую ванну, согреться. Иначе заболешь. Я пока приготовлю нам что-нибудь.

– Прости, – снова пробормотала она, – Митюша, я такая ужасная жена.

– Прекрати. – Митя поднялся и потянул Лину за собой. И только тут заметил: она сжимает что-то в левой руке.

«Что-то» оказалось разорванным холстом: Митя узнал заказанный художнице портрет известного певца, весьма популярного в Татарстане. На протяжении двух недель этот человек каждое утро приходил к ним позировать для портрета, нарядившись в красивый костюм и

тщательно уложив волосы. Певец был без ума от своей персоны и гордился собственной внешностью.

Митя помнил, что через два дня у певца юбилей, и портрет писался к этой дате. Лина редко работала на заказ, это давалось ей нелегко, и она радовалась, что наконец-то все закончила – как раз накануне они говорили об этом.

А теперь полностью готовая работа была уничтожена. Ангелина по известной лишь ей одной причине вытащила холст из красивой резной рамы и безжалостно искромсала чем-то острым – ножом или ножницами.

– Зачем ты это сделала? – потрясенно спросил Митя.

Она взглянула на испорченный холст, словно впервые увидела его, и Митя понял, что жена не знает ответа на этот вопрос. Похоже, Ангелина была удивлена не меньше, чем он сам.

Дальше была истерика, бесконечные извинения, слезы. Митя взял на себя объяснения с разгневанным певцом, которому пришлось вернуть выплаченный за работу аванс плюс неустойку. Чтобы не пошли ненужные разговоры, пришлось соврать: Митя сказал, что их квартиру затопили, и картина пострадала от воды. Артист вошел в положение и даже посочувствовал Лине, узнав, что от воды пострадало еще несколько уже готовых работ.

Именно тогда Митя и решил, что жене нужно сменить обстановку. Развеемся, отвлечемся. Он знал, как Лина любит море, и решил, что пара недель отдыха на побережье пойдет ей на пользу.

Стелла поддержала эту идею. Заявила, что и ему давно пора выбраться куда-нибудь отдохнуть. Если не делать паузы в работе, глаз может замылиться, восприятие – потерять остроту, сказала она. И вообще – он же не хочет угробить себя ночными бдениями над эскизами и чертежами?!

Лифт спустился, Митя вышел, убрал телефон в карман, пересек огромный холл и хотел выйти из здания, но возле турникета его окликнул охранник.

На первый взгляд Савелий Максимович Лаптев казался простоватым и заторможенным, но это было заблуждением. Помимо острого ума Лаптев обладал изумительной памятью: помнил номера внутренних телефонов, имена и отчества всех сотрудников бизнес-центра, а также бывших и нынешних арендаторов; знал, на каком этаже расположен тот или иной офис.

– Дмитрий Владимирович! Уходите? – Лаптев зачем-то следил за передвижениями обитателей «Делового мира». – Сегодня еще вернетесь?

– Нет, не вернусь, – отрапортовал Митя и толкнул дверь.

– Минутку, пожалуйста. – Охранник поднялся из-за своей стойки. – Тут письмо для вас передали.

– Вам? В охрану? – удивился Митя. Обычно корреспонденция поступала на ресепшн, в администрацию, оттуда ее и забирала Стелла.

– С утра мальчишка с газетами принес, – объяснил Лаптев. – Я взять-то взял, а спросить, что и как, не успел, народу с утра полно, сами знаете...

– Указано, откуда оно?

– Только наш адрес. И написано, что в офис «Мителины». Обратного адреса нет. Так вы возьмете или мне Светлане Георгиевне отдать, когда спустится?

Светланой Стеллу называли только малознакомые люди. Она почему-то терпеть не могла данного родителями имени и не меняла его, только чтобы избежать волокиты с документами.

Лаптев выжидательно и с некоторым нетерпением смотрел на Митю. В руке он держал белый конверт, по размеру немного больше обычного почтового.

Разбираться с письмом не хотелось. Наверняка ерунда какая-то: рекламная рассылка или что-то вроде того. Им постоянно приходило много всякого мусора.

– Передайте Сте... Светлане Георгиевне, – попросил он Лаптева.

Охранник согласно кивнул, они распрощались, и Митя поспешил на стоянку.

Глава третья

Меньше чем через сутки они с Линой были в Локко.

Решив отправиться в отпуск, Митя поначалу думал об отдыхе в Испании – они с Линой ездили туда в свадебное путешествие – или в Греции. Но Ангелина, которая после случая с портретом певца ходила как в воду опущенная и смотрела виноватыми несчастными глазами, вызвалась сама найти, куда им ехать. Митя не возражал. К тому же ему некогда было заниматься поисками – горели сроки сдачи проекта.

В результате через пару дней Лина предложила ему выбранный ею вариант – этот самый Локко на Черном море. По словам жены, это было просто уникальное место. Наткнулась она на него случайно: Локко почти не обсуждали на форумах, посвященных отдыху. Похоже, о нем вообще мало кто знал. Однако побывавшие захлебывались от восторга, описывая изумительно чистое море, живописные горы, просторные пляжи и экзотические растения, выкладывали в сеть пейзажи дивной красоты и ставили пятерки за уровень обслуживания отдыхающих.

Лина показывала мужу скачанные на компьютер фотографии и увлеченно комментировала каждый кадр. Видно было, что крошечный городок Локко очаровал ее.

Поначалу Мите не понравилась эта затея: он считал, что отдыхать куда лучше за рубежом, чем на курортах Краснодарского края. Но потом изменил свое мнение.

Во-первых, поездка затевалась ради Лины – ей и решать.

А во-вторых, он не был на Черном море с детства.

Ребенком, Митя почти каждый год ездил на Черноморское побережье с мамой. И ему вдруг показалось – наивно, конечно! – что эта поездка будет чем-то вроде дани ее памяти. Остро захотелось взглянуть на места, где они прежде бывали вместе, услышать в шорохе волн тихий родной голос. Мама обожала Черное море и часто говорила, что должна была родиться близ него. Они всегда были близки, и Мите ужасно не хватало ее теперь, когда мама ушла так рано и так нелепо...

Словом, Митя поймал себя на мысли, что с нетерпением ждет этой поездки, хочет отправиться именно в те края, а потому отбросил все остальные варианты и остановился на предложенном женой Локко.

Они забронировали двухместный люкс на втором этаже симпатичного мини-отельчика. Билеты на самолет до Сочи заказала Стелла. Если она и удивилась их выбору, то не показала виду.

Перед вылетом Митя позвонил на работу: не мог удержаться, чтобы не узнать, как дела. «Все хорошо, – терпеливо ответила Стелла, – еще не успела уничтожить дело твоей жизни».

Помощница пожелала им отличного отдыха, передала привет Лине и повесила трубку: зазвонил городской телефон.

– Все, больше никакой работы на ближайшие две недели, – пообещал Митя жене. Ангелина улыбнулась и промолчала.

Лина никогда не ревновала мужа к красавице-секретарше, хотя была неуверенным в себе человеком, склонным сомневаться во всем, в том числе и в собственной привлекательности, и в чувствах мужа. Уверениям Мити, что ему никто не нужен, кроме жены, Лина не поверила бы. Причина ее спокойствия была в том, что Стелла могла заинтересоваться скорее самой Линой, нежели Митей.

Отношения помощницы и начальника не могли выйти за рамки дружеских по одной простой причине, которая выяснилась примерно месяца через три – четыре после того, как Стелла пришла работать в «Мителину».

Когда закрылась дверь за очередным посетителем, который забрел со второго этажа на шестнадцатый в поисках дырокола, Стелла с досадой сказала:

– Все, с этим пора заканчивать. Надоели, придурки!

– Могла бы и привыкнуть. Ты как тот мальчик с дудкой, любого выманишь из норы, – философски заметил Митя.

Стелла поджала губы и вскоре выдала финт: когда в офис заглянул Санёк, системный администратор «Делового мира», принялась ворковать по телефону со своей подружкой. Санёк выскочил с пылающими ушами, и через час весь бизнес-центр обсуждал главную новость: сногшибательная Стелла, оказывается, нетрадиционно ориентирована!

Митя поначалу был уверен, что это шутка и она нарочно всё выдумала, однако известие оказалось правдой. У Стеллы действительно имелась любимая девушка по имени Эмма, которая сейчас жила в Лондоне. Митя видел Эмму только на фотографии: Стелла тщательно оберегала все, что касалась ее личной жизни.

Первым, на что Митя обратил внимание в Локко, был воздух – сухой, горьковато-сладкий, почти осязаемый. Как говорили местные, здесь рос особый сорт можжевельника, который оздоравливал легкие и прояснял внутреннее око.

Ладно, бог с ним, с оком. Пока добирались до городка, Митя молился, как бы им сохранить в целостности и сохранности все прочие органы.

Ехали на автомобиле: при заказе номера оплатили еще и трансфер. В аэропорту их встретил молодой улыбчивый парень, который держал небольшую картонку с надписью «Шалимовы». Они погрузили вещи в старенькую «Нексию» и устроились на заднем сидении.

В машине было душно, кондиционера не имелось, и Валера, так звали водителя, открыл окна. «Нексия», недовольно рыча, рванула с места и помчала пассажиров в сказочное место, где Мите и Лине на короткое время предстояло забыть о том, что на свете существуют офисы, компьютеры, дизайнерские проекты, гонка за заработком и капризные клиенты.

Автомобиль, дребезжа всеми деталями, на бешеной скорости неся по узким горным дорогам, которые то возносились вверх, то резким зигзагом уходили вниз. Митя боялся, что машина не впишется в очередной поворот и вылетит с автострады. Вдобавок лихой водитель волчком вертелся на месте, расписывая красоты здешних мест, тыча пальцем то в правое окно, то в левое, то куда-то себе за спину, пытаясь привлечь внимание позеленевших с перепугу пассажиров к персиковой рощице, горной речушке или пролому в скале.

Митя время от времени просил Валеру ехать медленнее, и тот, многословно извиняясь, послушно сбавлял скорость. Однако моментально забывался, разглядев очередную достопримечательность, и давил на газ.

Когда Митя уже на полном серьезе решил, что их путешествие добром не кончится, Валера возвестил: все, приехали! «Нексия» вылетела из-за очередного поворота и остановилась. Митя выбрался из машины, потянув за собой насмерть перепуганную жену. Голова слегка кружилась, но это мелочи. Главное, добрались живыми и здоровыми.

Локко казался чуточку ненастоящим. В пышности и яркости южной природы есть что-то чрезмерное, оттого пейзажи порой выглядят искусственными, нарисованными. Городок, по размерам больше напоминающий поселок, располагался в небольшой узкой долине. Вытянутый в длину, он с трех сторон был зажат высоченными горами, сплошь заросшими лесом. С четвертой к Локко подбиралось море. Домики с веселыми разноцветными крышами, сбегające к морю извилистые аккуратные улочки, утопающие в зелени и цветах, дорога, по обеим сторонам которой росли невысокие кустарники – как позже выяснилось, тот самый можжевельник.

Митя и Лина стояли и смотрели на Локко сверху вниз: городок ластился к их ногам, словно бы бесстыдно предлагая себя, и у Мити возникло смутное чувство отвращения.

«Может, ну его, этот Локко?» – подумал он.

Однако через секунду дикая мысль пропала – и с чего бы ей вообще возникнуть? К тому же снова нестись по опасным дорогам желания не было. Да и куда – в изъезженные вдоль и поперек, до отказа заполненные туристами Сочи, Туапсе, Геленджик или Анапу?

Митя украдкой глянул на Лину, но она не ответила на его взгляд, хотя обычно шестым чувством угадывала, что он смотрит, и, если стояла спиной, непременно оборачивалась. Однако сейчас, позабыв о существовании мужа, Ангелина завороченно вглядывалась в Локко.

Позже Митя думал, что, если бы она тоже почувствовала неясную опасность, исходящую от этого картинно-прекрасного местечка, они уехали бы – и плевать на забронированный номер, дополнительные расходы и прочую чепуху. Но Лина определенно была в восторге.

– Красота! – выдохнула она наконец, взглянув на Митю.

– Нравится? А я что говорил! Самое красивое место на всем побережье! – По тону Валеры можно было подумать, что это целиком и полностью его заслуга.

– Ничего прекраснее в жизни не видела!

– Можете до отеля пешком прогуляться – тут не очень далеко, минут двадцать. Локко – город маленький. А вещи ваши я отвезу, – предложил Валера.

Разумеется, они решили пройтись – возвращаться в раскаленный салон автомобиля не хотелось.

Валера объяснил, как дойти до отеля, и, взявшись за руки, как детсадовцы на прогулке, Митя с Линой двинулись вниз по дороге, вглубь городка. Навстречу им то и дело попадались отдыхающих в шортах, купальниках и панاماх. Митя плавился в джинсах и футболке, страшно завидуя их блаженной нагоде. Лина громко восхищалась окрестностями. Время от времени, нарушая тишину, по узким улицам скользили, царапая жаркий асфальт, ленивые автомобили.

Они прошли уже довольно прилично, когда Митя вскрикнул: в пятку вонзилось что-то острое. Наверное, камешек. Он выпустил руку жены и занялся ботинком, а Лина пошла дальше. Вытряхнув камешек, Митя надел обувь, обернулся – и не поверил увиденному.

Там, откуда они пришли, не было ничего. Ни горной дороги, ни гор, ни цветов, ни кустов у обочины – ничего! Привычный мир за пределами пряничного Локко словно отсекали ножом: за границей городка клубилась серая пустота, похожая на густой туман.

Смотреть на это было невыносимо, и Митя зажмурился от ужаса. «Веду себя как пугливая пансионерка», – пронеслось в голове.

– Митюша! – раздался рядом встревоженный голос жены. – Тебе плохо? Голова закружилась?

Лина подбежала и обняла его тонкими руками. На ней были желтые шорты и синяя блузка с дельфинами лимонного цвета. Тупые короткие дельфиньи морды показались злоецами и хищными. Митя прижал жену к себе, и некоторое время они стояли, обнявшись, посреди дороги. Митя смотрел вперед, на городок по имени Локко, а Лина – ему за спину, на необъяснимый пространственный разрыв. Спине было щекотно: он как будто ощущал чей-то пристальный взгляд.

Митя приготовился к слезам, крику, недоумению, ждал какой угодно реакции, но ничего не происходило. Лина прильнула к нему и даже – Митя никогда бы не подумал, что она может позволить себе такую вольность в общественном месте, – легонько поцеловала мужа в шею.

– Ангелёнок? – осторожно позвал он.

– Ммм?

Митя медленно обернулся, но ничего страшного не увидел. Перед глазами вставали чувственные изгибы дороги, далекие горы, буйная зелень. Он потер глаза и облегченно вздохнул: должно быть, привиделось от жары. Поцеловал Лину в ответ, и они двинулись дальше.

Локко радушно встречал их, готовый принять, растворить в себе. Неожиданно Митя ощутил ту же легкость, какую, должно быть, ощущала и Лина.

«Это будет чудесный отпуск!» – подумал он.

Глава четвертая

Небольшой отель, где им предстояло жить, оказался в точности таким, как на фото в Интернете. Двухэтажное белое строение с ярко-синей крышей, окруженное высоким забором. Иногда владельцы с помощью фотошопа приукрашивают свои владения, чтобы заманить клиентов, но в Локко оказались предельно честны.

По двору в разные стороны разбежались выложенные камнем дорожки, красовались цветочные клумбы, стояли лавочки и фонтанчики. Здесь были и большой бассейн, и детская площадка, и веранда со столиками, и мангал, и беседки, которые плотоядно обвивали виноградные побеги.

– Вон ваш балкон, – глуховатым голосом произнесла хозяйка, Наталья Михайловна, указывая вверх. У нее был острый нос, плохо покрашенные в рыжий цвет волосы и тускло-зеленые глаза. Мясистые уши украшали крупные золотые серьги в форме капель. Женщина силилась быть приветливой, но в ее облике сквозили не то растерянность, не то раздражение.

Митя задрал голову и улыбнулся, представив себе, какой вид открывается с этого балкона.

– Добро пожаловать, – отозвалась на его мысли Наталья Михайловна, – хорошего отдыха.

Лестница спиралью круто поднималась вверх. Лина опиралась на деревянные перила и вертела головой по сторонам. Митя был лишен такой возможности, волоча тяжелые чемоданы, которые Валера, как и обещал, доставил к отелю.

Номер оказался в точности таким, как они рассчитывали. Локко настолько полно оправдывал все Митины ожидания, что становилось... странно? страшно?

Митя огляделся. Королевская кровать, трюмо с большим зеркалом, две тумбочки, стол, кресла, платяной шкаф. Пол выложен полосатой плиткой, на журнальном столике – хрустальная ваза, на одной из тумбочек – часы, украшенные ракушками. Дверь на балкон оказалась распахнута, и Митя направился туда.

– Счастье-то какое! – проговорила Лина, неслышно появившись рядом. – Всю жизнь так стояла бы, смотрела – и ничего больше не надо!

Последнюю фразу она произнесла чересчур экзальтированно, и Мите снова, который раз за день, стало не по себе. Стремясь разогнать подступившую муть, он грубовато сказал:

– А мне, представь себе, надо! Голодный как зверь! Во всех смыслах!

Лина переполошилась, покраснела. Митя поцеловал ее и увлек в номер. Вслед им глядели волнообразные горы, сверкающее на солнце море и усыпанное сиреневыми цветами дерево, растущее в соседнем дворе.

А нечто, что лишит разума, завертит в немыслимом, не поддающемся объяснению круговороте, пугающем настолько, что не останется сил бояться, набирало силу.

Это началось на пятый день.

Первые четыре прошли так, как обычно и проходят у курортников. Утром и после обеда Митя с Линой нежились на пляже (от отеля идти было далековато, но неспешные тихие прогулки по красивым улочкам только радовали), до одури плавали в море, с удовольствием завтракали в обществе других постояльцев отеля, обедали и ужинали в маленьких кафе, дотемна бродили по набережной. Пили ароматное вино, ели шашлык и осетинские пироги. Съездили на экскурсию в горный поселок с непонятным названием Малый Самаш, накупили всякой ерунды на местном базарчике, посмотрели представление в дельфинарии.

Митя немного опасался, что Лина испугается заходить в воду после того, что случилось с ней в день приезда, но она не вспоминала об этом и купалась без всякого страха. Он тоже постарался отбросить мысли, что жена, которая отлично плавала, едва не утонула в двух шагах

от берега. Вспоминал ее непонятные слова о произошедшем, и на ум приходили собственные видения и ощущения. Но больше ничего необычного не происходило, и Митя списал все на жару и смену климата.

Правда, был еще случай вечером в кафе – тоже в первый день. Лина утверждала, что беседовала со стариком, а Митя уверял, что возле их столика стояла женщина.

Он отошел на минутку, а когда вернулся, увидел ее. Женщина выглядела так гротескно, что Митя с трудом удержался, чтобы не присвистнуть от удивления. На вид рыжеволосой даме казалось лет пятьдесят. На ней была пестрая многослойная цыганская юбка в пол и полупрозрачная кружевная черная блуза. Шея и запястья увешаны многочисленными дешевыми украшениями: цепи, ожерелья из крупных камней, разноцветные браслеты. На голове криво сидела огромная шляпа с пером.

Женщина обернулась, бросила на Митю короткий, скользящий взгляд, и на мгновение обильно накрашенное лицо показалось ему смутно знакомым. Он будто видел ее в старом фильме. Или, может, на нее была похожа мать кого-то из его приятелей. Или воспитательница в детском саду. Тревожное ощущение усилилось от того, что Лина убеждала, будто никакой женщины не было – только старик в строгом костюме.

Но если не считать этих мимолетных эпизодов, все остальное было прекрасно: погода, море, пляжи, пропитанные солнцем фрукты, уютный номер, вино. И, конечно же, секс. Любвью они занимались чаще, чем в медовый месяц, и иногда Мите стыдно было смотреть в глаза соседям: вдруг они что-то слышали? Впрочем, чужая жизнь никого здесь не беспокоила. Обычно, если отдых удался, люди погружаются в него с головой, стремясь заполнить себя до отказа собственными впечатлениями. Чтобы было о чем вспомнить долгими мрачными осенними вечерами.

В ночь, которая стала точкой отсчета, они тоже долго любили друг друга, а потом Митя быстро заснул и проснулся неизвестно отчего, словно его разбудили. Открыв глаза, он обнаружил, что Лины нет рядом. В комнате было темно, он приподнялся на локте и взглянул на часы – они показывали два сорок. Зеленые светящиеся цифры казались глазами, которыми кто-то смотрел на него из глухой предрассветной тьмы.

Только дети боятся темноты – боятся отчаянно, не рассуждая, вне всякой логики. Он давно вырос, но что тогда с ним творится? Покрываясь противным липким потом, Митя пытался понять природу своего страха, но получалось плохо. Он был уверен: кто-то стоит за его плечом, хотел повернуться, посмотреть, но его словно парализовало. Студеные ноги и руки казались неподъемными колодами. Митя слышал свое частое дыхание и понимал, что кто-то еще слышит его.

Кто – Лина, может быть?

Но тогда чего ему бояться?

Нужно встать, включить свет, найти жену, но он продолжал лежать на кровати, застыв в неудобной позе, как огромный неуклюжий моллюск в раковине. Митя был уверен: если это беспомощное лежание продлится еще немного, он потеряет сознание. Или умрет от сердечного приступа.

Внезапно открылась входная дверь и чары разрушились. На пол легла косая полоска желтого света, и в комнату вошла Лина. Митя выпростал руку из-под легкой простынки и включил ночник.

– Лина? Где ты была? – хрипло прошептал он. Откашлялся, провел рукой по лицу.

Она прикрыла за собой дверь. Если бы Митя не был в тот момент настолько занят собственными ощущениями, то заметил бы, что жена напугана не меньше, чем он сам.

– Куда ходила? – снова спросил он, потому что она молчала.

Лина села возле него на кровать, потом легла рядом, прижалась, уткнулась лицом в грудь. Митя обнял ее, и ему показалось, что он сжимает в руках каменную статую.

– Почему такая холодная? Озябла?

– А ты?

Они не закрывали на ночь балконную дверь, потому что с вечера было одуряюще жарко и лишь с рассветом становилось прохладнее. Сейчас в комнате не чувствовалось ни дуновения ветерка, но Митю и Лину била холодная дрожь, они тряслись и вжимались друг в друга ледяными телами.

– Ничего не слышал? Во дворе? – спросила она.

– Я спал.

– И я, но потом проснулась. Услышала... – Она замолчала и вздохнула.

– Что? Лина, что ты слышала?

– Детский смех, голоса. Было слышно, как дети играют во дворе, визжат, хохочут. Я сначала подумала, мне приснилось. Откуда ночью во дворе возьмутся дети?

– У соседей нет детей, – сказал Митя. – И у хозяйки тоже.

– Знаю. Я полежала-полежала и решила выйти на балкон – посмотреть. Вышла, но ничего не увидела. Звуки доносились со стороны внутреннего дворика. Топот, разговоры – тихие и погромче...

– Ты спустилась вниз?

Лина молча кивнула.

– Почему меня не разбудила?

– Ты так хорошо спал. И потом, я... Ну, не разбудила и все!

– Хорошо, хорошо. – Митя погладил жену по руке. – Что дальше?

– Они были там.

– Дети?

– Дети, – шелестящим голосом ответила Лина. – Дети...

Митю передернуло от ее интонации, но он попытался свести все к шутке:

– Это ведь не так страшно, верно? Не разбойники-пираты или исламские террористы.

Просто дети. Много их было? Ты с ними разговаривала?

Лина высвободилась из его объятий, села и пристально посмотрела Мите в лицо. Губы ее дрогнули, будто она хотела сказать, но не могла решиться. И Митя вдруг подумал, что не хочет ничего знать. Пусть это смешно, дурно... Но пускай она промолчит! Может, Лина угадала его трусливые мысли, а может, была другая причина, но в итоге, после долгого молчания, жена устало произнесла:

– Их было двое. Мальчик лет десяти и девочка постарше. Сидели возле бассейна, играли и разговаривали. Я отчетливо видела их. Как тебя сейчас.

– А они?

– Не обратили внимания. Я постояла, посмотрела и вернулась в дом.

– Значит, ничего страшного не случилось? Дети как дети?

«Пожалуйста, скажи, что так и есть!»

Лина наклонилась, поцеловала Митю в губы и снова легла с ним рядом. Устроилась поудобнее и только после этого ответила:

– Давай спать, Митюша. Я устала.

Уже засыпая, он подумал, что жена так и не сказала, все ли было в порядке с ночными гостями. Свет они в ту ночь так и не выключили.

Проснувшись, Митя сразу отправился к Наталье Михайловне – спросить, чьи дети играют по ночам во дворе возле бассейна. Но выяснить ничего не удалось. Под утро Митя и Лина спали крепко и не слышали, что, оказывается, приезжала скорая помощь: у хозяйки случился сердечный приступ. Вместо нее в отеле теперь заправляла худенькая шустрая женщина, которая представилась тетей Олей.

Тетя Оля держала гостевой дом, поменьше и поскромнее, на параллельной улице. Она была занята, спешила, и поэтому лезть к ней с вопросами казалось неудобным.

Да и желания не было: при дневном свете история перестала выглядеть жуткой. Собственный страх вызывал смущение и неловкость. Ну, играли соседские дети в неурочный час и играли. Что с того?

Митя и Лина позавтракали и отправились на пляж.

Глава пятая

Однако искупаться не получилось: штормило. Волны были не такими уж большими, однако спасатели выгоняли на берег каждого, кто пытался залезть в воду. Море недовольно шкворчало, яростно бросалось на берег, захватывало лапами гальку, тащило ее в глубину и швыряло обратно.

Пляж казался неприятным, почти враждебным, с моря тянуло прохладой. Люди уныло разворачивались и уходили прочь: раздеваться и загорать никому не хотелось.

Митя и Лина сидели на лежаках.

– Холодно, – сказала Лина. – Дрожь бьет.

– Пойдем отсюда, – предложил Митя.

– Куда? На экскурсию какую-нибудь?

Они решили погулять по Локко. Пару часов бродили по улицам, зашли на рынок и зачем-то купили черешни, хотя оба ее не любили. Разговор не получался: каждый думал о прошлой ночи, но обсуждать это вслух духу не хватало.

– Настроения нет. Наверное, просто не выспались, – проговорил Митя в ответ на свои мысли.

– Хочешь спать?

– По-моему, я уже есть хочу. А ты?

– Тоже не отказалась бы. Пойдем в «Подсолнухи»?

Им нравилось обедать в этом маленьком ресторанчике, расположенном в глубине городка. В «Подсолнухах» была отличная кухня, тихая и уютная атмосфера. Лина уселась за облюбованный ими столик возле окна и принялась изучать меню, Митя отправился мыть руки. Под потолком лениво жужжал вентилятор, популярный певец с надрывом кричал о том, как он счастлив.

У барной стойки сидели парень с девушкой. На спине у парня болталась ковбойская шляпа, он выглядел хмурым и нервно покусывал губу. Девушка тоже насупилась и время от времени что-то сердито говорила спутнику на ухо. Перед ними стояли бокалы, из которых они не сделали ни глотка.

Туалетная комната располагалась неподалеку от кухни, дверь которой была приоткрыта. Возвращаясь за столик, Митя невольно заглянул внутрь и увидел, что у разделочного стола хлопочет хозяйка заведения – Мария. Ее дочь работала официанткой и помогала на кухне, в небольшом баре хозяйничал зять. Муж Марии давно умер.

– Добрый день, – громко поздоровался Митя.

Мария, крупная женщина с мягким, круглым лицом, обернулась к нему всем корпусом.

– Покушать зашли? – задала она свой обычный вопрос.

Как будто сюда можно было зайти зачем-то, кроме еды.

Митя вопроса не услышал. Он смотрел на руки поварахи, впервые обратив внимание на то, какие они мощные, почти мужские. В правой руке Мария сжимала большой нож, в левой – окровавленную младенческую головку. С широкого лезвия на пол капала кровь. Кровью были перепачканы и короткие толстые пальцы с остриженными под корень ногтями, и белый кружевной передник. Митя просипел что-то и поднял взгляд, уставившись поварихе в лицо. Старался сказать хоть слово, но горло сжал спазм. Мария по-прежнему улыбалась как ни в чем не бывало.

– Покушать, говорю, зашли? – переспросила она.

Митю замутило. Он бросился обратно в туалет, и его вырвало желчью – в желудке ничего не было. Стоял, согнувшись, вцепившись в края раковины, полоскал рот, в ушах шумело, и

сквозь этот шум он слышал громкий, встревоженный голос Лины. Мария отвечала ей, к их голосам примешивались еще чьи-то – должно быть, юноши и девушки, что сидели у стойки.

Когда Митя оторвался от раковины, умылся и вышел в коридор, все скучились вокруг него: Лина, Мария, даже угрюмая парочка. Молодые люди теперь выглядели озадаченными.

– Что случилось? – раз за разом спрашивала Лина. – Тебе плохо?

Митя посмотрел на Марию, на лунообразном лице которой застыло почти комичное беспокойство. Потом бросил взгляд на полные руки поварихи – крови на них не было. Фартук тоже был идеально чистым.

– Что вы там делали? – проговорил он. Горло саднило.

– Я? – Мария оглянулась по сторонам, словно ища поддержки.

– Что... – Митя запнулся, – вы держали в руках?

– Помидор, – сказала повариха. – Резала помидор. Салат делала. Греческий.

– Греческий.

– Ну.

Он сделал пару шагов в сторону и снова заглянул в кухню. На разделочном столе лежал большой ярко-алый помидор. Рядом валялся тот самый нож, который Мария только что держала в руках.

Из рестораника Лина и Митя вышли обнявшись: Митю шатало от головокружения, жена его поддерживала. Пакет с черешней так и остался на столике.

Мрачная пара вернулась к стойке, проводив возмутителей спокойствия настороженными взглядами. Наверное, оба едва сдерживались, чтобы не покрутить пальцами у виска.

Мария, которая вроде бы ни в чем не была виновата, сокрушенно извинялась, сама не понимая за что. Ему хотелось попросить ее замолчать, он не мог выносить звука ее голоса, но слова не шли с языка, и он только махнул на прощание рукой. Расстроенная хозяйка ушла на кухню, продолжая что-то бормотать себе под нос.

Про обед, конечно, забыли. Митя был уверен, что ни за что и никогда больше не сможет есть в «Подсолнухах». Ноги его там не будут.

– Тебе что-то привиделось? – осторожно спросила Лина, когда они перешли дорогу и сели на скамейку в теничке.

– Не важно. Забудь.

Слишком часто ему стало «видеться». Раньше этого никогда не было. Может, от жары? Или от запаха чертового можжевельника? Возможно, у него аллергия. «Или с Локко что-то не так», – подумал Митя, и ему вдруг захотелось убраться отсюда.

Вместо этого они пошли в свой отель и легли спать. Митя заснул сразу же и проснулся тоже быстро, без обычного тягучего перехода из одной реальности в другую. Открыл глаза и вздрогнул от неожиданности: Лина сидела рядом и пристально глядела на него.

– Напугала, – выдохнул он.

– Прости, пожалуйста.

– Давно проснулась?

– Толком и не спала, – ответила жена. – Так, дремала и ворочалась, боялась тебя разбудить.

– У тебя не получилось бы: дрыхнул, как застреленный.

Она тихонько засмеялась и покачала головой.

Митя ушел в ванную и оттуда спросил:

– Какие у нас планы?

– Не знаю, – по обыкновению ответила Лина.

Планы всегда строил Митя.

– Давай на мыс сходим, к старому маяку, – предложил он.

Но на мыс они попали только на следующий день. Когда вышли во двор, их перехватил один из соседей, Артур, толстый смуглый мужик, сплошь покрытый татуировками. Он объявил, что у них с женой серебряная свадьба, и пригласил Митю и Лину отпраздновать событие. Жена Артура, которую звали Соней, дебелая блондинка в цветастом сарафане с тонкими бретельками, стояла рядом с мужем и кокетливо улыбалась.

Отказываться было неудобно, и Шалимовы до полуночи сидели за щедро накрытым на веранде столом, ели шашлыки, поднимали бокалы, пили сладкое красное вино и коньяк под витиеватые тосты.

Можно было, конечно, уйти и раньше, но Митя, тщательно скрывая это от себя самого, боялся повторения того, что случилось прошлой ночью. Мысль о том, чтобы отправиться наверх, лечь в кровать и выключить свет, была неприятной и пугающей. В результате он выпил куда больше обычного. Да что там, если говорить честно, напился как свинья. Кажется, даже горланил с Артуром песни и танцевал с Соней, но его уже не волновало, как он выглядит и как себя ведет.

Время от времени Митя ловил на себе обеспокоенный, несчастный взгляд жены, которая никогда прежде не видела его в таком скотском состоянии, но его мало заботила ее тревога. Даже наоборот, в какой-то момент он осознал, как его радует растерянность Лины. Ведь это по ее желанию они оказались в этом идиотском месте, вместо Греции или Испании. Краем сознания Митя понимал: Лина ни в чем не виновата. Да и, строго говоря, место для отдыха, выбранное ею, было идеальным со всех точек зрения. Скорее всего, дело было в нем, в его личной, как пишут в инструкциях к лекарствам, индивидуальной непереносимости...

Но все равно он по-настоящему злился на жену – пожалуй, впервые за годы их брака.

Вечер завершился тем, что Митя, после долгих многословных прощаний с виновниками торжества и заверений в вечной дружбе, кое-как поднялся по лестнице к себе в номер. Лина ушла спать раньше – он и не заметил, когда именно. По всей видимости, жена уже спала, когда он вернулся, но точно Митя не сказал бы – это выветрилось из памяти.

Шатало так, что пару раз он едва не грохнулся на пол. С трудом раздевшись, Митя направился было в ванную, но потом передумал и упал в кровать. «Пошло все к черту!» – такова была последняя мысль, посетившая его в тот вечер. А после он погрузился в тяжелый хмельной сон.

Проснулся Митя перед самым рассветом – и снова открыл глаза резко, будто кто-то толкнул его. Он вспомнил, что видел во сне маму: она вроде бы будила его поутру в школу. Митя хотел восстановить детали своего сна – мама снилась редко, хотя он часто о ней думал. Однако сновидение таяло, ускользало, и он оставил попытки.

Плотный и густой ночной мрак уже начал рассеиваться, но все же в комнате было еще темно. Голова была дурная, тяжелая, во рту противный привкус, но в целом Митя чувствовал себя вполне сносно. Видимо, алкоголь закупили качественный, к тому же он плотно поужинал за праздничным столом, пил не на голодный желудок.

Постепенно приходя в себя, Митя осознал две вещи. По отдельности каждая из них была обыденна и нормальна, но вот в сочетании... Он почувствовал, как по телу побежали мурашки. Паника кислотой плеснулась в мозг, и, как он ни уговаривал себя успокоиться, ничего не выходило.

Итак, первое. Лина спала рядом с ним. Он слышал глубокое ровное дыхание, ощущал тепло ее тела. Митя протянул руку и тихонько коснулся плеча жены. Ангелина что-то пробормотала, не просыпаясь.

Второе. В ванной кто-то был. Там горел свет, лилась вода.

Митя лежал, глядя в потолок, и не знал, что ему предпринять. Мысли кружились в голове, как стая перепуганных ворон над деревьями. Быть может, он оставил незапертой входную дверь? Учитывая состояние, в котором вернулся с вечеринки, это вполне могло быть.

Но зачем человеку, который тайно, ночью пробрался в чужой номер, отправляться в ванную и мыться?! Ответа не было.

Он понимал, что нужно встать и посмотреть, что происходит, но не мог заставить себя подняться с кровати. Ведь очевидно, что творится нечто необычное. Там, в ванной комнате, явно не воришка. А если припомнить все остальное, что приключалось с ним в последнее время...

Но если проснется Лина?

Нет, нет, он должен срочно разобраться со всем этим. Уговаривая себя встать и начать действовать, Митя не сразу обратил внимание, что звуки, доносившиеся из ванной, изменились. К мягкому журчанию льющейся воды добавился женский голос. Таинственная ночная гостья пела – точнее, мурлыкала какую-то песенку, принимая душ в его номере.

Происходящее все больше выходило за рамки обычного. Этот призрачный голос словно открывал в голове у Мити какую-то тайную дверь, за которой жили ужасные монстры и злобные демоны – его личные страхи. Вот-вот они готовы были вырваться наружу, и это всерьез угрожало Митиному рассудку.

Почти против воли он встал с кровати. Ни одна пружина не скрипнула, в глухой предрассветной тишине по-прежнему слышны были лишь звуки, доносящиеся из ванной. Митя, неслышно ступая босыми ногами, пересек комнату и подошел к приоткрытой двери. Взялся за круглую ручку, осторожно потянул дверь на себя, почти уверенный, что сейчас навстречу выпрыгнет нечто жуткое.

Но ничего такого не случилось, и он ступил в ванную, залитую ярким светом.

В воздухе витал приторный, почти осязаемый аромат цветущих лилий. Розовая полупрозрачная занавеска, на которой были изображены морские рыбы и раковины, оказалась плотно задвинута. За занавеской что-то двигалось: судя по всему, ночная посетительница лежала в ванне, продолжая негромко напевать чуть хриловатым голосом. Вот она вытянула руку, намывивая ее, вот привстала, выключила воду и с тихим плеском улеглась обратно.

Митя стоял, не смея вздохнуть. Он не знал, что ему делать. Может, окликнуть ее? задать какой-то вопрос? заглянуть за занавеску?..

Между тем пение прекратилось. Женщина в ванне громко, судорожно вздохнула, и Митя услышал тихий, жалобный плач. В нем звучало такое страдание, такая беспросветная, невыносимая скорбь, что у Мити невольно зашло сердце. Женщина плакала, да так горестно и безнадежно, что он больше не мог стоять и слушать, ничего не предпринимая. Почти не задумываясь о том, что делает, Митя сделал шаг вперед и отодвинул занавеску.

Глава шестая

Как ни странно, утром похмелье его не мучило, хотя, по идее, он должен был умирать от головной боли и страдать от приступов тошноты.

Однако голова была на удивление ясной. Более того, Митя понял, что голоден, просто зверски хочет есть.

Почти не разговаривая друг с другом, супруги оделись и спустились вниз. За столом Лина искоса поглядывала на мужа – наверное, размышляла о том, что с ним происходит, беспокоились. А как не волноваться: то он в ресторане истерику устраивает, то по ночам вопит.

Успокоить жену Мите было нечем, объяснить свое странное поведение он не мог при всем желании. Все, что мог сейчас – это предложить Лине выбросить случившееся из головы, забыть. Списать на переутомление, излишек алкоголя, длительный стресс, смену обстановки – чем там еще принято объяснять то, что не имеет объяснения?..

Заглянув ночью за занавеску, Митя увидел в наполненной до краев ванне молоденькую девушку. Тело ее скрывала густая пена для душа – сладкий аромат лилий был почти нестерпимым. Темные короткие волосы девушки завивались трогательными колечками на лбу и висках. Глаза она прикрыла, по щекам катились слезы.

Девушка была красива – не так, как Стелла, конечно, но все равно очень привлекательна. Митя даже подумал, что Лине однозначно не понравится, что он наедине с этой девушкой. Жена может обидеться, начать ревновать.

– Послушайте... – шепотом сказал он.

Ночная гостья не повернула головы на звук его голоса и даже не открыла глаз.

– Что вы здесь делаете? – немного громче спросил Митя. – Как сюда попали?

Нет ответа. По всей видимости, девушка не слышала его! А потом...

Потом она прикусила губу, стараясь сдержать слезы, решительным жестом выпростала руку из воды и схватила лежащую на бортике ванны бритву, которой Митя поначалу не заметил. Он ошарашено наблюдал, как девушка, помедлив лишь мгновение, резко полоснула себя по запястью, сделав глубокий ровный надрез; видел, как по ослепительно белой коже течет кровь.

Самоубийца переложила бритву из одной руки в другую и...

– Нет! – заорал Митя, бросаясь к девушке, пытаясь перехватить ее руку. – Нет! Перестаньте!

Ноги его заскользили, он потерял равновесие и неуклюже, боком повалился на пол возле ванны, попутно срывая с колец розовую штормку. Оказавшись на полу, Митя тут же попытался встать, держась за бортик и силясь отбросить от себя занавеску.

«Почему она сухая?» – удивился он, почти не отдавая себе в этом отчета.

– Вы не должны этого делать! – продолжал кричать Митя.

Приподнявшись, он сел, вцепившись в края ванны, приготовился поудобнее перехватить девушку, вытащить ее из воды...

Вот только никакой воды не было. Ванна была совершенно суха.

И пуста. Загадочная девушка-самоубийца исчезла без следа.

На пороге ванной стояла заспанная, ничего не понимающая Лина. Она испуганно смотрела на мужа, который барахтался на полу, запутавшись в занавеске.

– Митя? Почему ты кричал? Что случилось?

Он не мог ей ответить, решил, что сходит с ума, что его мучают галлюцинации, но тут Лина задала еще один вопрос. Вопрос, который сделал произошедшее еще более непонятным, если такое вообще возможно.

– Почему здесь так пахнет лилиями? – спросила жена.

Она терпеть не могла аромат этих цветов: он казался Лине мертвенным, напоминал запах тлена и разложения.

Митя не знал, что ответить.

После завтрака, по времени совпавшего с обедом, Митя с Линой отправились на мыс. День выдался ветреный, пасмурный. Одетые в джинсы и свитера, они мерзли и ежились.

Кажется, буддисты верят, будто все вокруг имеет душу: камни, деревья, животные, растения, море. Море – особенно. Собираясь в Локко, Митя надеялся ощутить светлую грусть по маме, хотел вспоминать, бережно перебирать в памяти эпизоды ушедшего детства.

Только не было ни легкости, ни грусти. Мама почему-то не вспоминалась, впервые в жизни лицо ее казалось размытым, далеким. А море сегодня предстало злобным шептуном, и в рокоте волн чудилось не то тупое, агрессивное злорадство, не то предостережение.

Митя шел, размышляя о произошедшем. Неясные ощущения, детские страхи, необъяснимые события последних дней – что это? Он покосился на идущую рядом жену. Лина выглядела нездоровой, побледнела и осунулась.

Что, если попробовать рассказать ей все? Может, посоветует что-нибудь, выскажет какое-то предположение?

С другой стороны, зачем? Вряд ли она сумеет помочь. Только перепугается, навоображает себе невесть чего. И станет еще хуже: мало того, что он сам себя ужасно чувствует, так еще и Лину придется успокаивать.

Митя знал, что ему с детства не хватало воображения – поэтому, может быть, и не суждено подняться в профессии выше крепкого ремесленника. Ангелине же достаточно подойти к эскизу, поглядеть, а потом сделать несколько штрихов – и превратить обычный рисунок в нечто оригинальное, яркое.

Поначалу, основав «Мителину», Митя собирался привлечь жену к работе. Он знал: ее идеи могли оказаться бесценными. Лина сумела бы добиться огромного успеха, стать уникальным, востребованным архитектором. Клиенты ее на части рвали бы!

Однако, поразмыслив, Митя быстро отказался от этого.

Ангелине всегда недоставало собранности, дисциплины. Она не желала укладываться ни в какие рамки: могла в течение месяца работать как проклятая, а потом по три-четыре недели близко не подходить к холстам, карандашам и краскам. Многие свои работы начинала и бросала, попросту теряя к ним интерес, и никакая сила на свете не могла заставить ее взяться за картину, которая перестала вдохновлять. Кроме того, Лина не способна была адекватно реагировать на критику: уходила в себя, рыдала от невинного замечания или простого пожелания.

Митя старался оградить жену от потрясений и проблем, потому редко откровенничал с нею. И сейчас, конечно, тоже не собирался этого делать.

Стелла – вот бы с кем поговорить... Он представил себе помощницу, склонившуюся над очередным документом, изучающую что-то на мониторе компьютера, и подумал, как сильно ему недостает шуточек, обсуждений, дружеских подначек, разговоров по душам за обедом. Ее кофе с топленым молоком, ее смеха. Мите жгуче, нестерпимо захотелось увидеть Стеллу, и он сам удивился своему порыву.

Впрочем, чего ж тут удивительного? Митя обожал свою работу, любил «Мителину», она была частью его жизни, а ведь фирму невозможно представить без Стеллы. Да что там, не будь Стеллы, «Мителина» давно бы прогорела, и Митя с поджатым хвостом вернулся бы в «Архитектурное бюро», что ему и предрекали в один голос все коллеги и знакомые.

Поначалу идея открыть свое дело казалась настоящей авантюрой. Восемь лет проработав проектировщиком в «Бюро», Митя оброс связями и приобрел солидный опыт. У него была хорошая интуиция – он удивительно точно умел угадывать пожелания и потребности клиентов. Как говорил его бывший шеф Олег Рябинин, заказчик еще понятия не имеет, нужна ли ему комната для гостей, а Митя Шалимов уже знает, какие обои он туда закажет.

Однако, обладая способностью угодить вкусам клиентов, он понятия не имел об организационной стороне бизнеса. И вот тут-то появилась Стелла.

Митя вспомнил, как они познакомились, и улыбнулся. Произошло это в налоговой: она там работала, а он регистрировал новорожденную фирму. Разговорились, и в итоге, на пятый день существования «Мителины», Стелла возникла на пороге офиса и заявила:

– Вам повезло: я собираюсь у вас работать! Пахать буду за троих, но учтите, платить вы мне станете соответственно.

Как выяснилось, девушка собиралась уволиться из налоговой и подыскивала подходящее место. Ей требовалась работа, где она смогла бы найти применение своим многочисленным способностям, плюс – достаточная степень свободы и хорошие перспективы.

В тот же день Митя снял объявление о поиске сотрудника и с тех пор благодарил Всевышнего за то, что Он расщедрился и послал ему Стеллу. Имея два диплома о высшем образовании – юридический и экономический, – она была юристом и бухгалтером, занималась отчетностью и документацией, отвечала на звонки, вела предварительные, финансовые и правовые переговоры с клиентами. На Митину долю осталось то единственное, что он умел: собственно проектирование.

На первых порах они ломали голову, как привлечь заказчиков в никому не известную фирму. Тратили последние деньги на рекламу, печатали и раздавали визитки и листовки, обзванивали потенциальных заказчиков... Хватались за все: отделку офисных и торговых помещений, квартир и коттеджей, проектирование жилых домов и зданий различного назначения. Отказываться от заказов было невозможно, задерживать сдачу объектов недопустимо. Митя пил кофе ведрами, спал по два-три часа в сутки: он тогда не мог позволить себе нанять еще одного проектировщика.

Это сейчас, спустя почти три года, Митя имел возможность выбирать, какой проект вести самому, а какой – передать коллегам. С «Мителиной» постоянно сотрудничали два талантливых проектировщика, они со Стеллой решили в ближайшее время принять их на постоянную работу, увеличив штат. Кроме того, нужно будет взять секретаря – у Стеллы и без того слишком много обязанностей.

Митя думал обо всем этом, перебирал в памяти рабочие будни – и чувствовал, что на душе становится спокойнее.

Да, Стелла определенно могла бы помочь ему во всем разобраться.

Но от нее Митю отделяли больше двух тысяч километров.

Глава седьмая

– ...Слышишь? – словно издалека долетел голос жены. Оказывается, Лина звала его.

– Извини, задумался, – ответил Митя. – Что ты сказала?

– Что хочу домой. Тебе ведь тоже тут разонравилось?

Голос ее прозвучал жалобно, но Митя, который несколько раз ловил себя на желании вернуться, почувствовал раздражение, словно Лина уличила его в чем-то недостойном. Они поднимались по склону, и он подал жене руку. Ладонь ее была холодная и чуть влажная.

– Еще пять дней осталось. Хорошо, мы уедем, но возможности отдохнуть в ближайшее время у меня не будет, – сухо проговорил Митя.

Сказал – и на душе стало еще гаже. Зачем попрекнул ее своей работой? И к чему этот суровый тон? Лина обидится – и будет права.

Но Лина не думала обижаться. Наоборот, попросила прощения, испугалась, что он рассердится и посчитает жену эгоисткой. Она часто чувствовала себя так, будто в чем-то перед Митей виновата, корила себя за непрактичность и никчемность.

В отличие от Мити, Лина мало верила в свой талант, в то, что нужна мужу, и это было так трогательно и печально.

Обычно он принимался успокаивать Ангелину, говорить, как она ему дорога. Но сейчас молчал. Тоска железными тисками сжимала сердце, поднималась к горлу. А Мите хотелось, чтобы это его успокаивали, убеждали в том, что он прав, хорош, умен. Обещали, что все уладится. После минувшей ночи не было сил вытирать чужие слезы...

Чужие?! Господи, это же Лина! Что такое с ним творится?

– Ангелёнок, прости! – Митя остановился, прижал жену к себе, зарылся носом в ее волосы. – Если хочешь, уедем. Прямо сейчас.

– Нет-нет, не надо. – Она покачала головой. – Я просто перенервничала. Ты же меня знаешь... Не надо никуда ехать.

– Точно?

– Точно.

– Мне здесь тоже как-то не по себе, – признался Митя.

– Ничего тут особенного нет, – поспешно произнесла Лина. – Просто место больно уж уединенное. И горы слишком высокие. Давят.

Она говорила тихо, почти шептала, и Митя подумал, что жена врет. Дело не в удаленности от большого мира и не в горах. Что они, гор не видели? Ей плохо, тяжело, но ради него она готова терпеть и мучиться. И он зачем-то принимает эту жертву, хотя сам готов бежать отсюда без оглядки. К чему весь этот цирк? Митя открыл рот, чтобы произнести это вслух, но Ангелина вырвалась от него и побежала вперед, к маяку. Оказывается, они пришли.

Мыс выдавался далеко в море, к нему вела широкая ровная дорога, выложенная плиткой. Такой же плиткой была выложена и площадка возле маяка. Здание конической формы, выстроенное из серо-белого камня, оказалось крепким, время его почти не тронуло.

– Внизу, возле воды, памятник! – крикнула Лина, подойдя к краю площадки. Митя, который мог нормально воспринимать высоту только из окон «Мителины», страшился подойти к обрыву. По всему телу ощущалась вибрация, начинала кружиться голова.

– Что за памятник? – кое-как выговорил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Не знаю. Форма необычная, похоже на крыло самолета.

Лина стояла и глядела вниз, ее волосы трепал ветер.

– Осторожнее, не свались, – сказал Митя.

Он решил обойти маяк кругом, двинулся вперед и вскоре наткнулся на деревянную дверь. Она была открыта, Митя зашел внутрь. Крошечное помещение оказалось часовней. В

полумраке светились лики Спасителя и святых, печально склонялась над младенцем Богородица. Теплились лампы, пахло чем-то душновато-сладким, как обычно пахнет в церквях. Что это – ладан? Или лампадное масло? Митя был не силен в церковной атрибутике.

На столике перед образами лежали крестики, ладанки, потрепанные книжки с молитвами, библии, маленькие иконки из тех, что женщины носят в сумочках или дают в качестве оберегов своим детям. Все это, догадался Митя, оставляют здесь посетители – возможно, на счастье. Ему тоже захотелось оставить что-то, и пусть бы эта вещица хранила его тепло, и пусть бы люди приходили и смотрели на нее.

Но еще это было похоже на откуп. Жертвоприношение.

Возьми, Локко. Возьми и оставь меня в покое.

Глупость, полная чушь. Да и нет у него при себе ничего, что можно положить на диковинный алтарь. Не носовой платок же класть. И не деньги.

– Как хорошо, – шепнула подошедшая Лина, – как покойно.

«Что за слово! – сердито подумал Митя. – «Покойно» – кто сегодня так говорит?»

Но устаревшее словечко было к месту. Здесь было именно так – покойно.

– Пошли отсюда, – отрывисто сказал он.

– погоди, – воспротивилась Лина и сняла с руки тонкий кожаный браслет. Купила на днях в маленькой сувенирной лавчонке и еще не успела потерять.

– Что ты делаешь? – спросил Митя, хотя и без того было ясно.

– Нужно оставить здесь что-то. Разве не чувствуешь?

Он сам не понимал, что чувствует. Лина опять прочла его мысли, и снова ему это не понравилось.

– Как закончишь, спускайся вниз по лестнице на пляж, – не сумев скрыть досады, сказал Митя и вышел из часовни.

Можно было вернуться в Локко тем же путем, что и пришли, но это напоминало бы бегство. Митя решил, что они спустятся на пляж и пройдутся до городка вдоль берега моря.

Что с ним творится, в самом деле? Едва пришел к маяку, как уже не терпится уйти отсюда. Тревога, беспокойство гнали его, настойчиво толкали в спину.

Спуск – к счастью, не слишком крутой – был со стороны, противоположной той, откуда они пришли. Медленно, всеми силами стремясь побороть страх высоты, стараясь не смотреть вниз, Митя спускался вниз по железным ступенькам. Держался за поручни, глядел под ноги и сам себе казался похожим на полуслеплого старика, переходящего шумную улицу.

– Митя! Я уже иду, – крикнула сверху Лина.

– Хорошо, – ответил он.

Это и в самом деле было хорошо: не передумала, не решила задержаться подольше, и, выходит, ему не придется подниматься за нею.

Лестница обвивала склон, как лиана. Из-за поворота внезапно вывернулась небольшая площадка. На ней спиной к Мите стояли двое мужчин. Один что-то говорил, другой согласно кивал. Удивительно, что Митя раньше не слышал их голосов. Видимо, ветер относил звуки в сторону моря.

Митя хотел пройти мимо, но один из мужчин обернулся. Гладко зачесанные назад темные волосы открывали высокий лоб. На бледном лице выделялись широкие дуги бровей и тонкая полоска усов.

– Добрый день, – поздоровался он.

Его собеседник тоже повернулся к Мите. Он был совсем юный, не старше двадцати лет, с круглыми глазами навывкат и рябоватым лицом.

– Ветрено, правда? – сказал парнишка и улыбнулся, широко раскрыв рот. Краешек одного из крупных зубов был сколот.

– Здравствуйте! – Митя протянул руку сначала усатому, потом юноше. – Тоже отдыхаете в Локко?

– Когда море такое беспокойное, меня самого бултыхает. В груди становится тесно, стихи пишутся! – не отвечая на вопрос, произнес мужчина постарше, почему-то засмеялся и провел рукой по волосам.

Ерунда какая, подумалось Мите, что за стихи? И одежда на обоих странная: классические брюки, рубашки с открытым воротом, пиджаки. И покрой нелепый, и вообще – зачем напяливать костюм, собираясь на пляж?

– Здравствуйте, милая девушка! – не спуская с лица улыбки, воскликнул юноша. Его собеседник тоже улыбался, кивал и разглядывал появившуюся Лину.

Она подошла ближе, глянула на Митю, неуверенно улыбнулась в ответ.

– Вот вы нас и рассудите, хорошо? Мы с товарищем спорим: можно ли романтичными поступками покорить современную девушку? Это ведь вам не старорежимные барышни на балконах, в пелеринках там всяких, в вуальках! Я говорю: кому нужны дешевые красоты? Эти охи-вздохи, лунная пыль, цветы? Тем более оба понимают, что все напозаказ! А цветы так и вовсе – мертвые головы какие-то! Ну, собственно, не в цветах даже дело... – Юноша горячился, приплясывал на месте, размахивал руками. – Но пойми же, говорю я ему, что это, наконец, унижает женское достоинство! Она, то есть девушка, понимает – это вроде дрессировки: он ей, как собачке, вкусные кусочки бросит, а она для его удовольствия потом будет кувыряться и на задние лапы вставать! Верно? А этот чудак-человек рассказывает мне про внутренние порывы, стихи, сердце...

– Ох и упрямый же ты, Борька! – Усач снова провел рукой по волосам. – И ведь сам, сам-то тонкой души человек! Все чувствует, понимает, как надо! Поэт, а хочет себя гробовщиком выставить, деревянных дел мастером! Когда душа тянется навстречу другому человеческому существу, это...

– Да ты погоди, погоди мне про тягу-то! Я, может, не меньше тебя про это знаю! Но почему сразу ей не сказать, что, мол, нравишься? И пускай бы тоже честно ответила! К чему фигли-мигли разводиться? Я вот о чем! Она тебе нравится, ты ей тоже – скажи прямо! И жени-тесь, детей заводите, а на прямогу только мещанки и обывательницы обижаются!

– Ага! Вот оно что! Вы видели? Это ты с Катериной своей поссорился, да? Признавайся, чертяка! Тоже еще – про честность заговорил! – Усач опять пригладил волосы и хохотнул.

Митя и Лина стояли возле них, не зная, как себя вести. Боря и его собеседник как будто забыли про них, но повернуться и уйти казалось невежливым. Дождавшись небольшой паузы, Митя сказал:

– Мы пойдем, наверное. Всего доброго.

Лина молча улыбнулась.

Повернувшись спиной к мужчинам, которые после короткой паузы продолжили спор, Шалимовы двинулись дальше: Митя впереди, Лина следом.

Чувство нереальности происходящего нарастало. Все было не так, и это ощущалось с каждой минутой острее. Внезапно испортившаяся погода, давящий страх, беспокойные ночи, непонятные видения, необычная злость на Лину...

Какого черта их понесло на маяк, если он не выносит высоты? Часовня, похожая на могилу, куда кладут дорогие покойному вещи, чтобы не тревожил и не пугал живых. Странные, старомодно одетые люди с глупым спором ни о чем. Лестница, которая все никак не кончается...

Очутившись наконец на пляже, Митя взял Лину за руку. Решил, что пора успокоиться и перестать идти на поводу у расшалившихся нервов. В конце концов, многое объяснимо: одна ночь выдалась бессонной, другая – хмельной, вот и нет настроения, вот и раздражение из-за пустяков.

– Смотри – памятник, который ты сверху видела! – Митя указал на серый гранит, вросший в землю в нескольких шагах от них. По форме он и вправду напоминал крыло самолета.

– Не ходи туда! – вдруг громко, с надрывом произнесла Лина и с силой вцепилась в его руку.

– Что с тобой? – удивился Митя и пошел вперед, не замедляя шага. Лина покорно плелась следом. – Смотри, тут табличка. И фотографии.

Мельком глянув на два овальных снимка, он наклонился пониже, чтобы прочитать надпись. Табличка, утопленная в камень, была черного цвета. Белые буквы складывались в надпись: «Полет ваш прерван, но время бессильно и память вечна. 28 мая 1958 года».

Митя обернулся к жене:

– Точно крыло. Похоже, тут самолет разбился. И даже фотографии пилотов есть... – Он еще, повинуясь инерции, продолжал начатую фразу, но договорить так и не смог.

Ему показалось, что на голову положили мокрое холодное полотенце и ледяные капли покатались по вискам, щекам, затылку. Ветер стих, море перестало ворчать и бросаться на берег. Все звуки пропали – или Митя перестал их воспринимать. Он смотрел на снимки, яйцеобразные кладбищенские снимки, с которых серьезно глядели круглоглазый рябой Борька и его друг с зализанными волосами и щегольскими усиками – те, что спорили о стихах и девушках.

Однако, если верить надписи и фотографиям, этих мужчин уже более пятидесяти лет не могло волновать ни то, ни другое.

Глава восьмая

Лина положила руку Мите на плечо, и он едва не заорал. Но зато очнулся, вернулся в настоящее. Снова рядом гудело море, снова ветер холодными лапами забирался за ворот свитера. Жена смотрела на него, ее зрачки были расширены, и глаза казались еще более темными, чем обычно.

– Это ведь они? – почти беззвучно проговорила Лина.

Митя молчал.

– Мы их видели? – снова спросила она.

В этот момент Мите пришло в голову, что мужчины до сих пор там. Там, на середине спуска. Стоят, ведут свой бессмысленный разговор, смеются, и вечно юный Борька смешно размахивает руками, а его друг снова и снова проводит ладонью по гладким волосам.

Они там, потому что время бессильно и память вечна.

Они стоят, но... Но в какой-то момент могут пожелать спуститься. Сходить на пляж, чтобы прогуляться, подойти к воде, набрать ракушек или пошвырять в море разноцветные камушки, или...

Или подойти к месту, которое полвека назад стало их могилой. И обнаружить свидетелей своей тайны, Митю и Лину, которые, сами того не желая, узнали, что ветренными днями умершие, оказывается, умеют выбраться из своих склепов.

Митя был почти уверен, что погибшие летчики стоят за его спиной, мерзко хихикают и, как зомби из дешевого ужастика, с хрипением тянут к нему сгнившие, позеленевшие руки. Ему казалось, он ощущает злобные, ненавидящие взгляды, чувствует исходящий от них запах, приторный, тяжелый, похожий на запах увядших лилий.

Чудом подавив вопль, Митя резко обернулся, волчком завертелся на месте. Никого. Они с Линой были одни. Никто не брел к ним, спотыкаясь, по пляжу, не спускался с лестницы. Митя вытянул шею, запрокинул голову, попытался разглядеть место, где несколько минут назад они стояли – Боже Всемогущий! – рядом с живыми мертвецами, или их неприкаянными душами, или кем там еще.

Сделав пару шагов в сторону, он увидел площадку. Та была пуста.

Митя схватил жену за руку и потащил за собой. Они бежали в сторону городка так, как не бегали никогда в жизни. Мите постоянно хотелось оглянуться, но он не позволял себе этого. Оглянувшись, он мог запаниковать, а паника сделал бы его слабее, уменьшила их шансы на спасение.

Теперь Митя знал, что нужно делать. Он не собирался допускать в свой нормальный и правильный мир этот кошмар. Им следует как можно быстрее уехать отсюда, выбраться из Локко, забыть, выбросить из головы все случившееся в последнее время.

Они немного замедлили шаг, лишь когда впереди показались первые дома. Улицы городка выглядели буднично и мирно, но это спокойствие уже не могло обмануть. Да, Митя не обладал сильным воображением – и именно поэтому поверил всему тому, что видел. Он больше не сомневался: все происходило на самом деле.

Хозяйка кафе Мария держала в руке отрубленную голову младенца.

Ночью в ванной действительно была девушка, которая собиралась покончить с собой и, видимо, когда-то в прошлом осуществила свое намерение.

Только что они с Линой повстречали людей, чьи жизни трагически оборвались много лет назад. Говорили с ними, улыбались, даже пожимали им руки.

Митя старался мыслить здраво, но при этом знал, что зыбкое равновесие в любой момент может быть сломано. Чувствовал, что Локко – место, где приоткрывается завеса и мир, недоступный обычному пониманию, ухмыляясь, выглядывает из этой дыры. Смотрит желтыми

сумасшедшими глазами монстра, который в детстве жил у тебя под кроватью, и норовит утащить за собой.

Именно поэтому следовало уехать отсюда как можно скорее, не пытаясь ни в чем разобраться, не стараясь докопаться до сути, не выясняя, что происходит.

– Подожди, Митюша, я устала, – взмолилась Лина.

– Да-да, малыш, понимаю, – ответил он, – но чем быстрее мы придем в номер и соберем вещи, тем быстрее уедем. Ты же хочешь домой?

– Конечно, я...

– Вот видишь. И я тоже.

Митя сунул руку в карман и достал мобильник.

– Кому ты звонишь? – спросила Лина.

– Валере. Пусть приедет за нами.

Он нашел номер водителя, но телефон Валеры был отключен. Митя набрал снова.

– Что такое?

– Абонент не абонент. – Он раздраженно запихнул телефон обратно. – Ничего, придем – поговорю с хозяйкой.

– Она в больнице, – напомнила Лина.

– Я имею в виду тетю Олю. Может же она кого-то найти? Кто отвезет нас.

Они добрались до отеля, зашли во двор. Там, против обыкновения, никого не было. Наверное, все разбрелись по номерам и кафешкам, пьют вино, торчат в Интернете. Что еще делать в такую погоду?

И все же при взгляде на сиротливый безлюдный двор Митя почувствовал, что кожу вновь пощипывает от страха. Ему необходимо было увидеть хоть кого-то, кто на самом деле жив и вполне реален. Чтобы ощутить таковым себя самого.

– Иди наверх, собирайся, – велел он жене. – Никуда не выходи и жди меня. Я поищу для нас машину. Найду и сразу же приеду за тобой.

Митя обнял ее, поцеловал в губы. Ангелина прикрыла глаза, в которых блестели слезы.

– Не бойся, ладно? – ласково, успокаивающе проговорил он. – Все будет хорошо. Ты мне веришь?

Она робко улыбнулась и утвердительно кивнула. Однако Митя видел, что это не так. Лина напугана, а мнительному, чересчур эмоциональному человеку очень непросто справиться со страхом и поверить в счастливый исход дела.

Митя ожидал, что жена сейчас примется плакать и цепляться за него. Однако она все-таки сумела взять себя руки и помчалась в номер, и за это он был ей благодарен.

Пару мгновений Митя смотрел Лине вслед, а потом решил попробовать поискать соседей. Это оказалось напрасной тратой времени. Он обошел двор, заглянул во все уголки, сходил к бассейну, даже постучал в окна первого этажа. Никто не выглянул на стук. Во флигеле, где обитала хозяйка, тоже никого не оказалось.

Митя знал, что тетя Оля живет в одном из домов через улицу, и отправился на ее поиски. Шел быстро, почти бежал, в голове в такт шагам ухало: «Домой, домой!» Периодически Митя пробовал дозвониться до Валеры, хотя и понял уже, что это бесполезно.

По дороге проехал автомобиль – и это порадовало, поскольку означало, что они с Линой здесь не одни. Митю так и подмывало выскочить на проезжую часть, остановить машину, начать умолять водителя забрать их с женой, вывести из Локко.

Погода, оказывается, изменилась: ветер разогнал тучи и стих, стало заметно теплее. Митя скинул свитер, остался в футболке. Еще немного – и вернется жара, такая же, как стояла в первые дни их приезда.

Ворота дома тети Оли были открыты. Он вошел в маленький крытый дворик и сразу увидел хозяйку: та развешивала белье, доставая его из большого белого таза.

– Добрый день! – поздоровался Митя.

Тетя Оля обернулась, сжимая в руках оранжевое махровое полотенце.

– Комната нужна? – спросила женщина, но, приглядевшись, узнала Митю. – А, это вы. Я-то думала... Что-то случилось?

– Мы хотим уехать. Как можно скорее. Прямо сейчас.

– Что-то случилось? – снова спросила тетя Оля. Но теперь это прозвучало скорее утвердительно, и глаза ее словно подернулись пеленой.

– Нам срочно нужно попасть домой! – Мите не хотелось ничего объяснять ей, к тому же мучило неясное чувство, что драгоценное время уходит. – Дело в том, что я не могу дозвониться до водителя, Валеры. Подскажите, к кому еще здесь можно обратиться?

Женщина смотрела на него, не произнося ни слова.

– Эй! Вы меня слышите? Нам надо уехать отсюда!

Вдруг тетя Оля, словно заводная кукла, повернулась к нему спиной, встряхнула полотенце, повесила его на веревку и принялась аккуратно расправлять. На Митю она больше не обращала ни малейшего внимания.

Он стоял, обескураженный, не зная, как расценивать ее поведение.

– Послушайте, вы что? Вы меня не поняли?

Женщина достала из передника пластмассовую прищепку, закрепила полотенце, нагнулась и достала из таза простыню.

Митя подошел вплотную к тете Оле. Он был зол, но при этом напуган. Поведение этой женщины перекликалось со всем тем, что происходило в Локко. Где-то в глубине души он знал, что возникшая проблема не будет иметь простого решения.

Тетя Оля не улыбнется, не продиктует ему с десяток номеров, не предложит в качестве водителя своего родственника. Не заговорит о том, что без Натальи Михайловны, к сожалению, не сможет вернуть им уплаченные за проживание деньги. Не сделает и не скажет ничего такого, что сделала и сказала бы на ее месте любая другая хозяйка отеля или гостевого дома в любом другом курортном городке или поселке.

Потому что этот городок не был обычным.

Женщина между тем закончила с бельем, взяла таз и скрылась за домом, не оглянувшись на визитера. Митя понял: он может хоть орать ей в ухо, хоть стоять перед нею на коленях, хоть танцевать голым посреди двора. Тетя Оля больше не станет с ним говорить.

Он повернулся и вышел за ворота. Народу на улице теперь было куда больше: отдыхающие потянулись в сторону моря, и многие удивленно косились на застывшего столбом посреди тротуара мужчину.

Люди шли мимо, и ни с кем, по-видимому, не происходило ничего необычного. Почему же все это случилось именно с ними?

Мите опять до боли захотелось позвонить Стелле, хотя бы за тем, чтобы просто услышать знакомый, чуть насмешливый голос. Стелла! Эта девушка не знала поражения, никогда не теряла уверенности. Даже повиснув над пропастью, нашла бы способ выкарабкаться. Машинально, почти не думая, что делает, Митя набрал ее номер.

Телефон молчал. Ни гудков, ни механического голоса, извещавшего, что абонент находится вне зоны действия сети. Только пустота и тишина. Стелла не слышала его, не могла прийти на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.